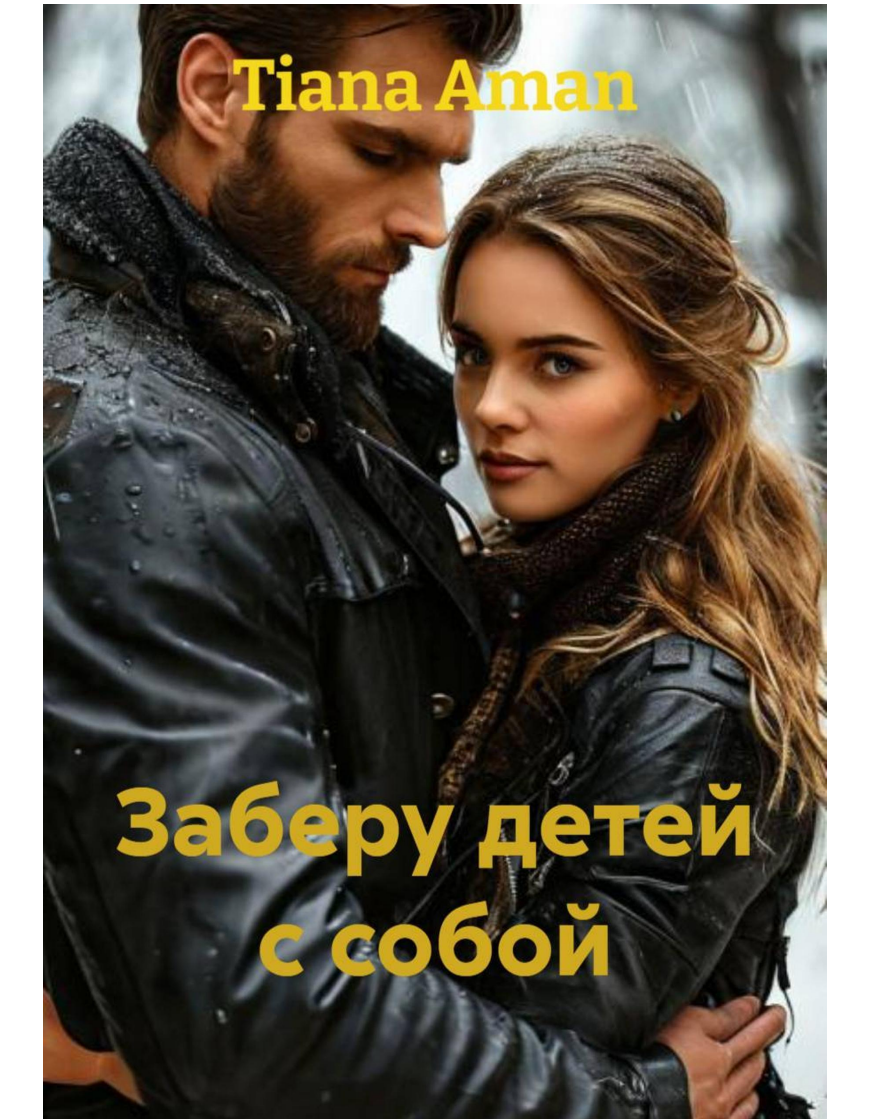

Tiana Aman

**Заберу детей
с собой**

Tiana Aman

Заберу детей с собой

<https://litres.ru/71938585>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Михаил уходит из семьи ради любви к Лизе, он теряет всё: уважение, семью, карьеру. Вместе с Лизой он начинает с нуля. Но их союз оказывается далёк от идеала, а мечта о счастье трещит по швам. Одно недоразумение становится причиной их окончательного расставания. И дети становятся разменной монетой. Михаил решает поступить радикально забрать их с собой. Но сможет ли он защитить их

Tiana Aman

Заберу детей с собой

Миша был сильным, волевым человеком. Но два года назад, отсидев срок за драку, он вернулся домой сломленным. Друзья исчезли – будто их и не было. Работу найти не удалось, куда бы он не просился. Только родные искренне радовались его возвращению, стараясь не задавать лишних вопросов.

А сегодня, после очередной ссоры с матерью из-за денег, она снова вылила на него всё, что копилось годами. Напомнила о его слабостях, о несбывшихся надеждах, о том, что он бросил четверых детей и женился на другой женщине – с чужим ребёнком.

Миша не стал дослушивать. Он резко захлопнул дверь кухни, прошёл в свою комнату и коротко, бросил жене:

– Лиза, собирай детей. Мы съезжаем.

Лиза, держа на руках трёхмесячного сына, осторожно оторвала его от груди, уложила в люльку и спокойно спросила:

– Куда? И на что мы будем жить?

Голос её был ровным, почти бесстрастным, но взгляд – слишком глубоким. Она словно заглядывал Мише прямо в душу.

– Я найду, – ответил он. – И мы сразу уйдём.

Он говорил это так, будто убеждал в этом самого себя.

– Хорошо, – так же спокойно сказала Лиза, укачивая сына.

Мише вдруг стало тесно в доме. Он почувствовал острую потребность остаться одному и вышел на улицу.

Был поздний весенний вечер. Воздух был густым, влажным, наполненным ароматом цветущих яблонь. Под жёлтым светом уличного фонаря он заметил у сарая знакомый силуэт. Отец, пошатываясь, брёл к дому.

Григорий Михайлович был алкоголиком.

В детстве Мишу всегда злила фраза: «Ваш муж страдает алкоголизмом». Почему страдает? Разве страдает он? На самом деле мучаются близкие – семья, дети. А ему... ему хорошо.

В памяти всплыло детство. Отец пил, бил мать, а они с сестрой выбегали из дома, как только его голос начинал повышаться. Так их научила мама.

Впервые Миша заступился за неё в пятнадцать лет.

Возвращаясь из школы, он увидел у ворот заплаканную сестрёнку.

– Отец опять буянит, – всхлипнула она.

Миша велел ей оставаться на улице, а сам, схватив в полисаднике грабли, зашёл в дом.

Из кухни доносились отборный мат отца и приглушённый плач матери. Миша распахнул дверь. Мать лежала на полу, прикрывая лицо руками, а отец тянул её за волосы, пытаясь поднять.

– Не трогай её! – крикнул Миша.

Отец даже не повернулся.

– Вон отсюда, щенок!

Миша не раздумывал. Он подбежал и со всей силы замахнулся.

Григорий не ожидал удара. В последний момент он заметил грабли, но среагировать не успел. Упал. По лбу потекла кровь.

Миша помог матери подняться. Потом они вдвоём связали отца и дотащили его до гаража. Там стоял старый диван. Они оставили ему подушку, одеяло, воду, хлеб, ведро с крышкой – и закрыли дверь.

Вернувшись в дом, мама сказала:

– Спасибо, сынок. Теперь ты мой защитник.

И снова заплакала.

Отец провёл в гараже несколько дней. Когда он особенно громко кричал, мама ходила к нему «на переговоры».

Через несколько дней, вернувшись из школы, Миша увидел отца уже за столом. Голова его была забинтована, на лбу – пластырь.

– Не бойся, он тебя не тронет, – сказала мама. – Он обещал.

– Пусть только попробует, – бросил Миша и ушёл в свою комнату.

Отец промолчал.

Месяц он ещё ходил на терапию от алкоголизма. Потом

бросил. Стал бороться с собой по-своему: закрывался в гараже, никого к себе не пускал. Постепенно перестал общаться с друзьями-пьяницами, стал замкнутым. Но больше никогда не поднимал руку на мать.

А потом, выйдя на пенсию, снова запил.

Теперь он не буянит. Просто прячется в гараже и пьёт.

Миша смотрел на покачивающуюся фигуру отца.

Кем он стал? Чёрной тенью, от которой за версту несёт перегаром?

Какой стыд он испытывал в детстве, встречая его на улице. Как неловко было, когда приходили друзья, а позже – коллеги, и спрашивали: «А кто это?»

Больше всего Миша боялся стать таким же. Поэтому не курил и не пил крепкого. Разве что иногда – пиво, в компании друзей.

«А мать всё же права...» – подумал он, когда отец зашёл в дом.

На подработках семью не прокормишь. Половина заработка уходит на алименты детям от первой жены – а они и слышать о нём не хотят. Мать-пенсионерка вынуждена подрабатывать, чтобы помогать его новой семье: трое своих детей и старшая дочка Лизы от первого брака...

Миша схватился за голову.

Сейчас ему как никогда нужна была поддержка.

Он набрал номер сестры.

Гудок.

Миша сбросил вызов.

Ему очень хотелось поговорить, но у Марины – своя жизнь. Своя семья. Свои проблемы.

Марина никогда не пыталась сделать из него идеального человека. Но она терпеть не могла, когда он ей врал.

Когда семья узнала о его второй жене, Марина два месяца с ним не разговаривала.

– И как бы ты отреагировала, если бы узнала, что я встречаюсь с женщиной, у которой есть свой ребёнок? Ты бы порадовалась за меня? – спросил он тогда. – Я влюбился, Марина. Как мальчишка. Думал, это пройдёт. Но потом Лиза сказала, что беременна. И я понял – чувства стали глубже. К Вере я никогда ничего подобного не испытывал.

– Тогда почему ты не сказал Вере? Она ничего не подозревала?

– Подозревала. Мы говорили о разводе, но она даже слушать не хотела. Боялась, что я брошу её с детьми. Говорила, что если у меня кто-то есть, я просто нагуляюсь и вернусь. Что она меня простит. И прикрывала меня перед матерью, создавая иллюзию идеальной семьи...

Его воспоминания прервал телефонный звонок. На экране высветилось: Маришка.

– Привет, сестрёнка!

– Привет, Миша. Ты мне звонил?

– Нечаянно нажал твой номер, извини, – Миша попытал-

ся придать голосу легкомысленность, но вышло не слишком убедительно.

– Я только что разговаривала с мамой... – после короткой паузы Марина спросила: – Ты меня слышишь? Ты дома?

– Я на улице, во дворе. Не беспокойся. Марина, я тоже хочу съехать от матери, встать на ноги и приезжать к ней только по выходным. Но нам негде жить. Я не зарабатываю столько, чтобы хватало ещё и на съёмное жильё.

– Миша, мама не гонит тебя. Поговори с ней. Выслушайте друг друга.

– В последнее время я слышу от неё только то, какой я никчёмный сын, и всё в таком духе...

– Я не верю, что мама так сказала, – перебила его Марина. – Ты думаешь, ты один такой бедный и несчастный, а у остальных всё идеально? Может, мне рассказать про проблемы моей семьи, чтобы тебе полегче стало?..

Голос Марины дрогнул. Она никогда не говорила с братом в таком тоне – тем более не жаловалась. Мише всегда казалось, что её брак безупречен. Впрочем, его собственные отношения с Верой для окружающих выглядели такими же.

– Миша, извини... Просто у мамы большое сердце. Когда тебя посадили, у неё был инсульт. Я не хочу, чтобы это повторилось. Поговори с мамой, пожалуйста.

– Марина, ты плачешь? Не надо, прошу. Хорошо, я поговорю с ней. Обещаю. Пока.

Он завершил звонок и поднял голову. Небо было чистым

и глубоким. Месяц ярко светил, звёзды сияли во тьме так, словно кто-то щедро рассыпал в небе конфети. Красота.

А там, за этой красотой, в необъятном космосе, возможно, прямо сейчас что-то сталкивается, рушится, кто-то гибнет... Или, может быть, так живут все люди: снаружи – порядок и красота, а внутри – хаос.

Злость на мать постепенно растворилась. Миша решил вернуться и попросить у неё прощения.

Свет в её комнате ещё горел. Он тихо постучал пальцами по двери. В ответ – тишина. Миша приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Людмила Викторовна спала в кресле, в очках, с раскрытой книгой на коленях.

– Мама... ма-ма, – тихо позвал он. – Иди в кровать.

Она вздрогнула и открыла глаза.

– Сынок, ты пришёл. Я ждала, когда ты вернёшься.

– Ты ждала меня? Серьёзно? Мне тридцать восемь лет...

Ладно. Мам, я хотел извиниться...

– Когда твои дети вырастут, ты же не перестанешь быть их отцом?

– Но я не буду их так контролировать. После восемнадцати у каждого будет своя жизнь, к которой я не стану иметь отношения.

– Я ждала тебя ради своего спокойствия. И если бы я хотела тебя контролировать, у тебя не было бы второй семьи. И уж тем более я не допустила бы, чтобы ты сел.

– Мама, я зашёл, чтобы извиниться, а не ругаться. Марина

сказала, что у тебя был инсульт... Я не знал.

– Я попросила её не говорить тебе, чтобы не беспокоить. Я уже несколько лет на таблетках. Со мной всё нормально, не переживай.

– Мам, а ведь характером я весь в тебя пошёл. Ты говоришь, что я как папа... а я сейчас в тебе вижу себя.

Миша улыбнулся и обнял мать.

– Я тоже это заметила, – Людмила Викторовна улыбнулась в ответ и крепко прижала сына к себе.

– Мам, что мне сделать, чтобы ты была счастлива? Или хотя бы не расстраивалась?

– Тебе не понравится то, что я скажу. Но раз уж ты спросил, я отвечу. Только пообещай выслушать до конца и не хлопать дверью. Хорошо? А потом я задам тебе тот же вопрос – и ты ответишь так же искренне. Договорились?

Миша кивнул.

– Мне не нравится Лиза, – начала Людмила Викторовна. – Не только потому, что она разрушила вашу с Верочкой семью. Как человек – тоже. Я согласилась принять её лишь потому, что ты очень настаивал. Тебе тогда и так было плохо, а ты всё переживал за неё... Инсульт я перенесла в тот же вечер, когда мы с Мариной привезли их домой. Мне стоило большого терпения и здоровья жить с ней под одной крышей. Дав тебе обещание, я подписала себе абонемент на проверку нервной системы вот уже третий год...

Она сделала паузу.

– Подожди, дай договорить, – мать жестом остановила сына. – Ты обещал. Я уважаю твой выбор, но больше не могу. Снять вам квартиру в городе я не потяну, но могу помочь с арендой домика в дачном посёлке. Попросишь у отца машину на первое время. Поверь, мне нелегко это говорить, но я давно хотела. Вера и внуки перестали с нами общаться после того, как я приняла твою вторую семью. Ирина и Ольга уже взрослые, они всё понимают. Они не хотят прощать того, что ты их бросил.

Она посмотрела на сына внимательно.

– А теперь говори. Что мне сделать, чтобы ты был счастлив, сынок?

– Ну, спасибо, что разрешила высказаться, – Миша заметно нервничал, но сдерживался. – Я правильно понимаю, ты меня выгоняешь?

– Не выгоняю. Даю возможность пожить со своей семьёй отдельно. За жильё пока буду платить я, а дальше – сами.

– Спасибо за великодушие. Нам прямо завтра съехать?

– Миша, не веди себя как подросток. Сейчас мы разговариваем как взрослые люди. Мы договорились быть искренними.

– Мама, я её люблю. Я её не брошу. Это не увлечение – у нас уже трое детей. Лизе тоже с тобой было непросто, но она старалась ради меня. Хорошо. Мы завтра начнём искать жильё. Спасибо, что предложила помощь. Ты ведь могла просто выгнать.

– Я рада, что мы с тобой вот так поговорили. Знай: я тебя люблю. Но ты должен сам отвечать за последствия своих решений.

– А я рад, что ты рада. Спокойной ночи, мама. Я тоже пойду спать.

– Спокойной ночи, сынок.

Людмиле Викторовне стало легче. Впервые за долгое время она сказала сыну то, что действительно думала о Лизе. И теперь ей больше не придётся притворяться идеальной свекровью.

У Миши щемило сердце. Ему казалось, что мать приняла его новую семью всей душой, и только Лиза жаловалась на её холодность. Он успокаивал её тем, что свекрови и невестки редко ладят между собой, старательно умалчивая о том, что Вера для матери была как вторая дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.